

ГЛАВА 8. ТОМ О ЗМЕЕ-ОБОРОТНЕ. ЧАСТЬ 6

Юй Циньинь притаился за ширмой, жадно ловя каждое слово, доносившееся из залы. Стоявшая рядом служанка, напротив, была готова лишиться чувств от волнения, то и дело хватаясь за голову.

«Неужто я угодил в один из тех сюжетов, что смакуют в дешевых книжонках? — гадал Юй Циньинь. — Что это: слезливая драма о знатном господине и бедной деве, продавшей себя в дом терпимости? Или пикантная история о ветреном таланте и обольстительной куртизанке?»

Юй Циньинь слегка высунул голову, тайком поглядывая на вышибалу, и в душе ехидно хихикнул. Уж кто-кто, а он обожал всякие заварушки.

— Сказал ли этот человек, как зовут его жену? — нахмурившись, спросила хозяйка борделя.

— Господин говорит, что супруга могла назваться вымышленным именем. Но приметы у неё больно приметные, да и в нашу «Башню Пьяных Цветов» она попала совсем недавно.

— Что за приметы?

— Сказал... — вышибала замялся, подбирая слова. — Сказал, что фигура у неё пышная, речи — хвастливые, а ведет она себя так, будто у неё не все дома.

Юй Циньинь, только что сиявший, словно распустившийся пион, мгновенно перестал улыбаться.

Не успела сводня и рта раскрыть, как со стороны входа донёсся шум. Мужчина, раскидав стражу, решительно шагнул внутрь.

— Му прибыл сюда, чтобы забрать свою дражайшую супругу домой.

«Дражайшую супругу...»

Стоявшего за ширмой Юй Циньиня при этих словах забил нервный тик.

«Эй, эй, Му Сибай! Что-то я не припомню, чтобы ты был женат!»

— С чего бы это почтенному господину быть столь уверенным, что его пропажа именно у нас? — Хозяйка, хоть и старалась сохранять самообладание перед лицом столь грозного гостя, сдаваться не собиралась.

Му Сибай оставался невозмутимым, но он смотрел колюче и властно.

— Разве та нога, что торчит из-за ширмы, принадлежит не моей венчанной жене?

Все присутствующие в зале разом обернулись. Все уставились на ширму, и Юй Цинъинь ощутил на себе такое внимание, какого не знал никогда в жизни. Он вжался в дерево и опустил взгляд. И тут же обнаружил: сам-то он спрятался, но во время своих шпионских маневров выставил далеко вперед ту самую «белоснежную ногу», да так и забыл её убрать.

Вот тебе и любитель поглазеть на чужие беды. Возмездие за годы любопытства настигло его в самом нелепом виде — он стал главным героем дрянной пьесы.

Понимая, что пауза затянулась до неприличия, Юй Цинъинь нехотя вышел на свет. За долгие века своей жизни он совершил немало бесстыдных поступков, но так позориться перед простыми смертными ему еще не доводилось... Он наградил многозначительным взглядом главного виновника этой сцены — Сибай смотрел с едва заметной насмешкой — и обреченно встал посреди залы. Му Сибай, чья властная аура совершенно не вязалась с этим вертепом, выглядел здесь по меньшей мере странно.

Юй Цинъинь выдал остальным присутствующим кривоватую усмешку:

— Хе-хе... Ну, здрасьте.

— Супруга, вернемся же домой? — Му Сибай слегка приподнял бровь и протянул руку.

— Постойте! — вклинилась сводня. — Она продала себя в Башню Пьяных Цветов, нельзя просто так взять и уйти!

— Я заплачу за её выкуп в пятикратном размере.

Му Сибай даже не удостоил старуху взглядом. Он не сводил глаз с Юй Цинъиня — так смотрят на вещь, которая может исчезнуть, стоит на миг отвернуться.

«В пятикратном?»

Юй Цинъинь окончательно впал в ступор. Откуда у этого «бедного» книжника такие деньжищи?! Сколько он его знал, Му Сибай вечно не расставался со свитками и книгами. Юй Цинъинь уже открыл рот, чтобы остановить это безумие, но Сибай, не медля ни секунды, достал из широкого рукава пачку ассигнаций и небрежно сунул их ближайшему слуге.

Пока Юй Цинъинь мучился вопросом: «Откуда у парня такие связи с казначейством?», Му Сибай уже по-хозяйски обхватил его за талию. Одним слитным, отработанным движением он

вскинул его на плечо, словно мешок с зерном.

— Пойдем, договорим о «красоте ночных светил», на которой прервались вчера.

«Чего... чего ты несешь?»

Так, под потрясенными взглядами толпы, Юй Цинъинь, онемевший от такой наглости, был вынесен из Башни Пьяных Цветов и утащен в неизвестном направлении. Оцепенение спало с него лишь тогда, когда они добрались до конца торговой улицы.

— Слышь... может, спустишь меня уже?

В ответ — тишина. Сибай продолжал шагать.

— Премного благодарна доброму молодцу за спасение, но не соблаговолит ли он позволить слабой... женщине... идти своим ходом?

Сибай на мгновение замедлил шаг, но он лишь поудобнее перехватил свою ношу и двинулся дальше.

— Му Сибай! — Юй Цинъинь не выдержал и чувствительно ткнул его кулаком в спину. — А ну поставь меня на землю, живо!

Наконец мир перестал быть перевернутым, и ноги Юй Цинъиня коснулись мостовой.

— Как твоя рана? — Му Сибай на удивление сам начал разговор. Обычно он был не многословен, и Цинъиню приходилось вытягивать из него каждое слово.

Юй Цинъинь мотнул головой, давая понять, что всё в порядке.

— Ты как вообще...

Он хотел спросить о многом: как он его нашел? Зачем пришел? И, самое главное, где раздобыл целое состояние на выкуп?

— Теперь я состою на службе у господина Су Ицю. В качестве личного советника.

Юй Цинъинь застыл с разинутым ртом.

«Чего?! Что он только что сказал?»

Он-то строил хитроумные планы, как подобраться к Су Ицю, стараясь не вызвать подозрений, а этот тип — бац! — и просто стал его доверенным лицом. Это что, личное оскорбление его интеллекту?

Если бы Му Сибай не влез со своим «спасением», план Юй Циньиня был бы безупречен.

Сначала — допросить местного божка земли, под видом куртизанки разузнать все сплетни в веселых кварталах. Затем — обернуться несчастной сиротой, мечтающей восстановить доброе имя покойного отца, и разжалобить Су Ицю, чтобы тот взял её в дом прислугой. И уж там, под боком у хозяина, выведать всё, что нужно. Разумеется, предварительно защитившись от чар «Цинхо».

Юй Циньинь собирался выяснить, в какой именно момент настоящую Цинхо подменили на фальшивку, но появление Му Сибая смешало все карты.

Потому что теперь он — жена советника в поместье Су.

Да, это упрощало проникновение в дом, но Юй Циньинь еще даже не начал собирать сведения на самого Су Ицю! У него не было ни одной зацепки против самозванки!

Как теперь понять, когда произошла подмена?

Ведь это именно Юй Циньинь когда-то помог Цинхо обрести человеческий облик. Это он сплил Симин Синцзюня, чтобы втихаря подправить судьбу Су Ицю и дать влюбленным шанс на встречу. Юй Циньинь напряг память, вспоминая записи в Книге Судеб... Вроде бы, всё шло по писаному. Но если в дело вмешался кто-то со стороны, а Су Ицю интуитивно противится этой новой «Цинхо», то судьба может вильнуть в любую сторону.

При этой мысли Юй Циньинь тяжело вздохнул и прижал ладонь ко лбу.

«Прости, Симин. Похоже, тебе снова придется идти к Эрлан Чжэньцзюню на поклон, жаловаться на жизнь. А мне, чует мое сердце, тоже предстоит встреча с Небесным Судьей. И его верный пес Сяотянь Цюань наверняка опять вцепится мне в зад...»

И во всем виноват этот Му Сибай. Проклятая связь, истинная злая судьба.

Впрочем, не один Юй Циньинь считал их союз странным. Тот же Вэйян постоянно пребывал в недоумении. Юй Циньинь был существом высшего порядка, а Му Сибай — обычным смертным. Ни магических сил, ни бессмертия, ни хотя бы туманного прошлого. Вэйян искренне не понимал, почему его господин так прочно запутался в сетях этого человека.

Сам Юй Циньинь тоже хотел бы это знать. Хотя, если честно, это Му Сибай вечно путался у него под ногами!

Одинокий изумрудный лист плавно опустился с ветки прямо в чайную чашку Юй Цинъюня.

— Всё ли тебе по нраву? Не слишком ли непривычно?

Юй Цинъюнь, погруженный в думы о том, как разгрести этот кавардак, даже не заметил появления Му Сибая. Тот, облаченный в простые, но безупречные одежды, прошел через круглые ворота сада и присел на каменную скамью рядом. Юй Цинъюнь повернулся и посмотрел на него застывшим взглядом.

Если бы ему сказали, что всё это поместье Су на самом деле принадлежит Му Сибая, он бы ни на секунду не усомнился. Было в этом человеке нечто такое... В каждом жесте, в каждом скупом слове сквозила такая мощь, какая не снилась обычным людям. Юй Цинъюню порой казалось, что перед ним не скромный книжник, а император, решивший прогуляться среди подданных инкогнито.

— О да, привыкаю помаленьку. Комфорт просто запредельный: кормят, поят, спать укладывают... — «Только Яоцзи вокруг нет, одни стены», — угрюмо закончил он про себя.

Вслух же Юй Цинъюнь отвечал рассеянно, перебирая в голове меню последних дней и условия их... проживания. При мысли об их общей спальне внутри всё закипало. Су Ицю, будучи уверенным, что они — супружеская пара, поселил их в одной комнате. Юй Цинъюнь пытался было брыкаться, но Му Сибай опередил его, рассыпавшись в благодарностях: дескать, «жена» его слаба здоровьем и нуждается в постоянном присмотре.

Слаба? Здоровьем?!

Да Юй Цинъюнь здоров как племенной бык! В своем «Павильоне Юйсюань» он только и делал, что объедался деликатесами. Единственная болезнь, которая ему грозила — это скука. И вот теперь он заперт в золотой клетке, где из всех развлечений — только один-единственный Му Сибай. У любого бы крыша поехала.

Юй Цинъюнь всю жизнь провел среди соблазнов, совершил столько бесстыдств, что даже вечно занятой Симин Синцзюнь не нашел лучшего эпитета для него, чем «порочный щеголь». Но Му Сибай ухитрился превратить этого повесу в настоящую «затворницу».

Каждый день — каллиграфия, шахматы, живопись, даже, прости Господи, вышивка и созерцание цветов. Му Сибай с поистине дьявольским терпением сам брался за кисть, накрывая ладонью руку Юй Цинъюня и заставляя его выводить иероглифы. Настоящая идиллия «образцовой семьи», где Юй Цинъюню приходилось отдуваться за жену и детей одновременно. Ладно еще шахматы, с этим он мирился, но вышивка?! Разве этой ерундой не должны заниматься девицы, которых из терема не выпускают?

Хотя Юй Цинъюнь и сам жил в уединении в горах Цишань, он всё же был мужчиной. И вид мужчины с иглой в руках над пальцами наводил на мысли о глубоком душевном

расстройстве.

Там, в лесах Цишань, Павильон Юйсюань стоял вдали от мирской суеты, словно заброшенный храм, где лысые монахи целыми днями бубнят сутры. Не хватало только таблички над воротами: «Форма — это пустота, а пустота — это форма».

Неудивительно, что, вырвавшись в мир, он стал завсегдатаем всех значных мест города.

«Кто в юности не куролесил, тот жизни не видал», — так говорят поэты, и Юй Циньинь был с ними солидарен.

«Лучше всю жизнь слыть беспутным, чем один миг быть занудой».

Эту фразу он начертил на стене комнаты, когда Сибай в очередной раз заставил его практиковаться в письме. Итог был печален: три дня домашнего ареста. Его не то что из поместья, из спальни не выпускали.

— Ты чего? — заметив на себе тяжелый взгляд Му Сибая, Юй Циньинь прервал поток своих горьких воспоминаний.

Сибай опустил глаза, и он едва заметно, почти призрачно улыбнулся.

— Есть подвижки в деле? — Он взял с блюдца горсть семян подсолнечника и принялся неспешно их чистить.

— Никаких.

Этот человек был слишком умен. Юй Циньинь лишь вскользь упомянул о своих подозрениях насчет Цинхо, а Сибай уже, похоже, сложил всю мозаику в голове.

— Тебе нужна моя помощь? — Он протянул очищенное ядрышко прямо к губам Юй Циньиня.

Юй Циньинь с удовольствием принял подношение. Он уже хотел было по привычке отказаться от помощи, но внезапно в его голове созрел план.

— Знаешь, а ведь ты и впрямь можешь помочь.

Юй Циньинь расплылся в такой лучезарной улыбке, что, казалось, вокруг них зацвели все деревья разом. Улыбка вышла настолько широкой, что Му Сибай даже замер, занеся руку над блюдцем. Юй Циньинь по-братски хлопнул его по плечу, сделав вид, будто не заметил этой секундной оторопи.

— Дело пустяковое. Разузнай-ка для меня потихоньку: не случилось ли в этом доме чего-нибудь... эдакого? Станных слухов или необъяснимых происшествий с тех самых пор, как госпожа Су переступила порог.

<http://bllate.org/book/17464/1693138>